

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ ПОЛЬСКОЙ ПЕЧАТИ

Александр Киселёв

1 августа 1939 г. польский писатель Витольд Гомбрович отплыл на теплоходе «Храбрый» рейсом на Буэнос-Айрес. На расспросы друзей о причинах своего отъезда, он отвечал: «Вы не умеете читать газет!». Если классик польской литературы XX в. сумел в газетных строках увидеть грядущую войну, то современное прочтение старых газет тем более дает возможность постфактум оценить польскую прессу.

Представляет интерес вопрос, как создатели польского общественного мнения оценивали внешнеполитическую ситуацию и политический курс страны в преддверии Второй мировой войны. В политической жизни накануне 1 сентября 1939 г. следует выделить несколько ключевых событий, которые имели существенное значение для польской внешней политики. К ним, по нашему мнению, относятся англо-французские гарантии Польше, официальный отказ от немецких требований по Гданьску и экстерриториальной дороге, денонсация нацистской Германией пакта о ненападении с Польшей и заключение советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г.

Польская пресса об англо-французских гарантиях и германских требованиях

Известие о выступлении в Палате общин 31 марта 1939 г. британского премьер-министра Невилла Чемберлена, гарантировавшего в одностороннем порядке защиту Польши от германской агрессии, на страницах 69

официозной «Польской газеты» (Gazeta Polska) было расценено как революция во внешней политике Великобритании. Одним из признаков этой революции, по мнению проправительственных журналистов, стал постепенный отказ Великобритании от «восточного комплекса», который заключался в придании «исключительно высокого значения роли России в Европе, и стремлениях любой ценой привлечь ее к сотрудничеству»¹. Действия Великобритании и Франции санационной прессой расценивались как запоздавшее признание важности военной и политической роли Польши.

Показательно, что схожие оценки дал ежедневник «АВС», который представлял одну из фракций запрещенного политическим режимом санации в 1934 г. крайне правого Национально-радикального лагеря (Obóz Narodowo-Radykalny, ONR) Ведущий публицист издания Ян Королец отметил, что соглашение «создает новую защиту мира и равновесия в Европе» и дополняет систему международных польских договоров. При этом журналист считал, что британские гарантии не перечеркивают польско-германский пакт о ненападении. Он осторожно заметил, что «если бы Германия не проводила в дальнейшем политики постоянных захватов, то польско-английский пакт скорее бы укрепил существующий пакт о ненападении»². Последовавшее чуть позже подтверждение гарантий со стороны Франции позволило ежедневнику с гордостью заявить о том, что «западные державы осознали значение Польши как самого сильного государства в Восточной Европе, от позиции которого в значительной степени зависит ход событий в этой части континента»³.

Такую же положительную оценку признания политической значимости Польши и ее сближения с великими державами высказали находящиеся на противоположном от ONR политическом фланге представители главного периодического издания Польской социалистической партии (Polska Partia Socjalistyczna, PPS) ежедневника «Рабочий» (Robotnik). В частности, ведущий публицист «Рабочего» и лидер PPS Мечислав Неджялковский в заметке «Верный исторический путь» с удовлетворением констатировал, что «история «обрекла» нас на сотрудничество с западными державами не в роли «клиентов», но в роли равноправного фактора в мире»⁴. По его мнению, политика Адольфа Гитлера «с математической точностью повторяет все ошибки правительства Вильгельма II»⁵.

Через успешных действий Германии на самом деле запустила процесс объединения усилий Великобритании и Франции против «государства господ»⁶, каким явила себя миру нацистская Германия. Неджялковский уверял, что факт «соглашения Вашингтон — Лондон — 70

Париж — Варшава дает много шансов на сохранение мира и ограничение захватнических комбинаций»⁷.

Обзор польской прессы оставался бы неполным без описания реакции представителей самого влиятельного идейного течения в межвоенной польской общественно-политической мысли — национал-демократов. В главном печатном издании эндеков еженедельнике «Национальная мысль» (*Myśl Narodowa*) восторженно прокомментировали выступление премьер-министра Великобритании Невилла Чемберлена, в котором Польше обещались гарантии. В заметке под броским заголовком «Польша лежит в центре мира» с удовлетворением констатировалось, что немецкая политика наконец-то заставила Западную Европу отказаться от иллюзий. Прежние симпатии к «рожденной в масонском фартуке Чехословакии» пришлось забыть. Теперь «Польша на устах всего мира», так как от ее политики «зависит все»⁸.

Эта мысль неоднократно модулировалась на страницах издания. Так, в выпуске от 23 апреля с чувством гордости провозглашалось, что в «существующей политической системе Европы Польша рядом с Францией и Англией является третьей великой державой», которой «географическое положение плюс военная сила дает... ключевое положение»⁹.

Вместе с тем заново обретенных союзников подвергали критике за их пагубную приверженность искать себе опору против Германии восточнее Польши. В номере от 2 апреля осуждалась французская политика по созданию в Восточной Европе широкого объединения под эгидой России, что требовало от Польши «добровольного прочного присоединения к системе восточно-европейской, то есть российской (а сегодня, скорее, большевистской)», что противоречило всей польской «истории, географии и здравому смыслу»¹⁰. Исходя из своих интересов Польша может заключать соглашения со своими западным и восточным соседями, но она никогда не пойдет на договоры, которые приведут к утрате ее «суверенности». По словам молодого публициста Карла Стефана Фрыча в грядущей войне Польша будет сражаться на правой стороне, «против языческой свастики выставит крест, а против Европы коллектива — Европу личностей и семей, организованных по-христиански и основанной на свободе»¹¹.

Интересно то, что близкий к высшему клиру римско-католической церкви «Голос народа» (*Głos Narodu*) считал рецептом спасения мира в Европе систему коллективной безопасности. На страницах издания критиковалась прежняя польская внешняя политика, отрицавшая до последнего времени подобную концепцию и возлагавшая надежду на двусторонние соглашения. В противном случае уже в 1937 г. удалось бы создать оборонительный союз Франции, Польши и стран Малой 71

Антанты, который предотвратил бы аншлюс Германией Австрии и раздел Чехословакии. Расчеты и приобретения польской дипломатии обернулись расширением польско-немецкой границы и переходом Венгрии на прогерманские позиции¹².

Вместе с тем восточному соседу Польши идеологи христианской демократии отказывали в праве стать участником системы коллективной безопасности. Они полностью поддерживали позицию польской дипломатии, блокировавшей возможность «привлечения России в это широкое соглашение»¹³. Причина заключалась в идеологической несовместимости СССР с «господствующей в остальной Европе идеологией», поскольку советская идеология «имеет безбожный и революционный характер»¹⁴.

На страницах издания со ссылкой на мнение военных кругов высказывалось сомнение в «военной готовности... человеческого материала» СССР, который остается «большим неизвестным». Утверждалось, что военный конфликт на Дальнем Востоке исключил какое-либо активное советское участие в «европейской войне»¹⁵. Публицисты издания полагали, что в отличие от Франции и Великобритании, Польша выполняет важнейшую миссию в Европе, поскольку не много ни мало защищает «само христианство»¹⁶.

Последовавший по инициативе Берлина разрыв польско-германского пакта о взаимном ненападении от 1934 г. вызвал дружное осуждение и негативные оценки в польской периодике. Некоторые издания, отражая настроения в определенных кругах польского общества, расценивали произошедшее как закономерный финал прежней политики и всей истории польско-германских отношений. Станислав Козицкий на страницах «Национальной мысли» назвал денонсацию пакта «уничтожением фикции»¹⁷, поскольку немецкая дипломатия и не собиралась его соблюдать. Напротив, Польша «серьезно приспособляла свою политику к пакту 1934 г.; многие даже полагали, что чрезмерно серьезно»¹⁸. Отклонение Польшей германских претензий на Гданьск и требований строительства экстерриториальной дороги был, по мнению Козицкого, совершенно правильным. Ведь исторический опыт свидетельствует, что уступки «были бы вступлением к дальнейшим уступкам»¹⁹. По словам публициста, Германия полностью раскрыла свои планы. Она «считает Восточную Европу своим “жизненным пространством” и устанавливает свой “порядок” в этой части континента по своему разумению»²⁰. Польский выбор заключается между участью Чехословакии или борьбой против немецкой гегемонии над Восточной Европой.

В отличие от «Национальной мысли», отражавшая позицию официальной Варшавы «Польская газета», первоначально более сдержанно 72

отреагировала на выход Германии из соглашения. На страницах издания отмечалось то, что Польша дорожит заключенным в 1934 г. польско-германским соглашением и далеко пошла в деле компромисса о статусе вольного города Гданьска. Однако польская сторона не допустит превращения своего «жизненного пространства» в дополнение «жизненного пространства» Германии²¹. Польша никогда не будет покупать добрососедские отношения с Третьим рейхом путем «односторонних уступок, политической изоляции и отказа от истинной независимости»²². Публикуя текст выступления Гитлера в рейхстаге, провозгласившего денонсацию пакта, «Польская газета» заверяла читателей в том, что эта речь «не увеличила в Европе состояния тревоги, но и не смягчила ситуацию»²³.

Таким образом, польская пресса воспринимала произошедшие в марте — апреле 1939 г. события, главным образом, через призму идеологических оценок, чем рационалистического анализа интересов участников международных отношений. При этом в англо-французских односторонних гарантиях Второй Речи Посполитой польские авторы увидели лишь признание политического значения Польши как главного партнера западноевропейских держав на востоке Европы.

Отражение англо-франко-советских переговоров в польской прессе

Не менее показательным для характеристики общественных настроений является относительно слабый интерес польской прессы к англо-франко-советским переговорам в Москве летом 1939 г.

Максимумом внимания санационной «Польской газеты» стало размещение преимущественно кратких официальных корреспонденций о прибытии и деятельности англо-французской делегации в Москве. Главный еженедельник национал-демократов «Национальная мысль» также обошел стороной проводившиеся в Москве переговоры. Основным предметом обсуждения в национал-радикальном ежедневнике «АВС» стал вопрос о принятии советской трактовки понятия «косвенная агрессия». По мнению обозревателя газеты, принятие его в советской версии означало бы зеленый свет для вмешательства СССР во внутренние дела прибалтийских государств. Интересно, что автор признавал обоснованность опасений резкого усиления немецкого влияния в этих странах. Однако рецептом решения прибалтийского вопроса провозглашалось подключение к нему Польши с одновременным исключением Советского Союза. Польша объявлялась единственной страной, которая может «ограничить советский и немецкий империализмы», но при 73

этом для которого «полная и настоящая независимость балтийских государств является существенным жизненным интересом»²⁴.

Консервативное «Слово» (Słowo) враждебно относилось к идее советско-франко-британского союза. Ведущий публицист ежедневника Станислав Мацкевич считал, что Франции и Великобритании вместо того, чтобы вести переговоры с СССР, следовало попытаться перетянуть на свою сторону Италию. Он утверждал, что в Западной Европе переоценивают «советские военные возможности» и «недооценивают качества Польши» и совершенно не понимают заинтересованности советского руководства в войне «между миром парламентарно-индивидуалистическим-демократическим-капиталистическим (Англия и Франция) и миром автаркическим-этатистским-националистическим (Германия, Италия, Япония)» с целью распространения «большевизма»²⁵. Чуть позже в заметке «Англо-советские переговоры» другой публицист издания полагал, что объединенных сил Великобритании, Франции и Польши вполне достаточно для отражения немецкой агрессии, поэтому вероятный срыв англо-советских переговоров не грозит «никакой катастрофой»²⁶. Любопытно, что Великобритания в этих переговорах изображалась как заинтересованная в приобретении дополнительного союзника против Германии сторона. В свою очередь позиция СССР интерпретировалась как стремление в приобретении для себя максимальных уступок и преференций при осознании полной гарантированности своих границ от немецкой военной агрессии.

«Голос народа» регулярно публиковал сообщения телеграфных агентств о ходе переговоров в Москве. Однако несмотря на признание, что «присоединение России к европейской системе защиты намного увеличивает шансы мира, сводит возможность войны к абсурду», главный редактор Ежи Турович упрекал «Запад в недооценке сил Польши, силы России измеряет в квадратных километрах пространства и численности населения, не обращая внимание на то, что Польша имеет систематически развиваемую в течение ряда лет отличную армию»²⁷. Ведущий публицист крайне низко оценивал военные качества Красной армии и совершенно не критиковал нежелание Польши даже слышать «о проходе маршем солдат мировой Революции» через свою территорию.

Если правые и консервативные издания заняли непримиримую позицию в отношении переговоров, то в левых кругах доминировали иные настроения. В частности, на страницах социал-демократической «Рабочей газеты» (Gazeta Robotnicza) тональность материалов показывала желательность прихода к соглашению в Москве. Более того, ряд изданий за их непримиримо антисоветскую позицию обвинялись в подыгрывании нацистской пропаганде, заинтересованной в представлении 74

Польша как основного противника СССР на западной границе. Если на страницах «Слова» и «АВС» вина на затягивание переговоров возлагалась на СССР, то в печатном издании польских социалистов таких категоричных заявлений не делалось.

Вместе с тем обращает на себя внимание то, что в прессе вопрос о необходимости активного участия Польши в проходящих в Москве переговорах практически не ставился. Например, «Голос народа» поместив 8 августа сообщение о том, что советская сторона выразила заинтересованность в приглашении на переговоры военных миссий польской стороны, оставил его без каких-либо комментариев. Большая часть творцов общественного мнения открыто занимала непримиримую позицию в отношении каких-либо соглашений с Советским Союзом, а другие просто предпочитали обходить эту проблему стороной.

Освещение советско-германского договора от 23 августа 1939 г. в польской прессе

23 августа 1939 г. был подписан советско-германский договор о ненападении, что вызвало большой интерес в польском обществе. Главный официоз страны «Польская газета» отозвался на известие о заключении договора передовицей под названием «Демонстрация, которая не нарушит равновесие». В ней констатировалось, что произошедшее не является неожиданностью для Польши, которая в отношении СССР много лет следует политическим заветам Юзефа Пилсудского. По мнению редакции газеты, СССР никогда не собирался быть «активным или решающим участником игры европейских сил»²⁸. Это обусловлено тем, что советская Россия изначально являлась не столько европейским государством, но «евро-азиатским, ослабленным изнутри и сильно завязнувшим на Дальнем Востоке». Она «не только не имела сил, но и не проявляла ни малейшего желания быть конструктивным элементом мирной европейской политики»²⁹.

Санационные журналисты утверждали, что вся внешняя политика Советского Союза была направлена на разжигание противоречий и столкновений, а еще лучше — войны в Европе. Приписываемый Москве курс якобы диктовался коминтерновской доктриной мировой революции. Для нее-то война и должна была «расчистить дорогу»³⁰. Любопытно, что польский официоз не смутило то, что после 1937–1938 гг. Коминтерн большой активности не проявлял. Кроме того, задолго до репрессий вместо доктрины мировой революции, в которой еще можно было бы усмотреть курс на системную поддержку революционных движений, возобладали концепция построения социализма ⁷⁵

в одной стране. Вместе с тем указывалось на то, что само географическое положение советской России «позволяло бы ей держаться подальше от войны на первом, а может и на дальнейших этапах»³¹. По мнению журналистов издания, советско-германский договор никак не изменил политического расклада сил. Не повлиял он и на прочность англо-франко-польского союза. СССР получил способ для давления на Японию, а нацистская Германия в ведущейся «войне нервов» приобрела лишний пропагандистский аргумент. В целом панической реакции на прилет министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа в Москву на страницах издания не просматривается.

24 августа первая страница официального издания Министерства военных дел Польши «Вооруженная Польша» (*Polska Zbrojna*) открывалась передовицей с заголовком «Манифестация польско-американской дружбы», посвященной встрече посла США с президентом Польши Игнацием Мосцицким. Зато почти вся вторая страница была занята под корреспонденции о реакции зарубежных держав на заключение советско-германского договора о ненападении. Заголовки красноречиво говорили о тональности публикаций: «Пакт без практического значения»³², «В Японии возмущение, в Италии и Испании растерянность»³³, «Успех для внутреннего употребления»³⁴. За четыре дня до войны публицист санационной «Польской газеты», обобщая свои наблюдения за французской реакцией на пакт, с удовлетворением констатировал, что теперь всем стало ясно, что «Россия как фактор равновесия покинула Европу»³⁵. Говорилось, что соглашение между СССР и Германией покончило с многолетними иллюзиями построения европейской системы на «российской опоре». Если раньше это вносило «деморализующие иллюзии на отношения с Польшей», но теперь во Франции всем станет ясно, что «Польша не является авангардом какого-то несуществующего, туманного славянского гиганта,... но сама по себе является основанием европейского равновесия»³⁶.

В следующем номере в статье «Алгебра и пропаганда» публицист Витольд Ипохорский-Ленкевич назвал договор с СССР «актом отчаяния»³⁷ зашедшей в тупик германской дипломатии.

В статье редактора рупора польской национал-демократии «Варшавского национального ежедневника» (*Warszawski Dziennik Narodowy*) Станислава Козицкого «Гитлер и Советы» утверждалось, что подписанное в Москве соглашение является примером конъюнктурного договора в отличие от польско-британского договора. По мнению автора, целью внешней политики СССР являлся раскол Антикоминтерновского пакта и давление на Великобританию и Францию. Он даже предполагал, что Япония и Испания в отличие от Италии, могут серьезно 76

отнестись к советско-германскому договору. Устремления нацистской Германии трактовались как следование прагматическим интересам далеким от идеологических установок. Если первоначально Гитлеру было выгодно представлять Германию как защитницу стран Центрально-Восточной Европы от большевизма, то теперь по тактическим соображениям антикоммунистическая риторика была убрана. По мнению Козицкого, советско-германский договор находится в одном ряду с предложениями аналогичных пактов Румынии, Югославии, Венгрии. Эти предложения являются повторениями исторически проверенной стратегии, которая заключается в «обещании очередным народам востока Европы, что ценой согласия на поглощение соседа, находящегося ближе к Германии, их оставят в покое»³⁸. На самом деле истинные цели Германии заключаются в установлении политического господства на востоке Европы. Гитлер продолжает внешнеполитическую традицию имперской Германии времен Вильгельма II, стремясь сделать из стран Восточной Европы «свои «протектораты»³⁹. Главной целью нацистской Германии на востоке польский публицист считал Украину. Эта страна «текущая молоком и медом, опирающаяся на Черное море и дающая доступ к кавказской нефти, могла бы на некоторое время успокоить немецкие амбиции и аппетиты»⁴⁰. Исходя из этих соображений, автор предлагал лицам, ответственным за внешнюю политику, сделать соответствующие выводы.

Печатный орган польских христианских демократов «Голос народа» полагал, что советско-германский договор не привносит ничего нового в польскую внешнюю политику. По мнению издания, подтвердились предупреждения польской дипломатии о напрасном доверии западных демократий в отношении СССР. Более того, советско-германский договор «сильно повысил значение Польши в европейской политике»⁴¹, поскольку для Франции и Великобритании стала очевидной ненадежность СССР. Заключая пакт, Советский Союз, во-первых, стремился усилить свои позиции на Дальнем Востоке; во-вторых, получить свободу рук в отношении государств Балтии. В-третьих, соглашение с Берлином дает Москве время для наблюдения за «изменением европейской ситуации, чтобы занять относительно нее выгодное положение»⁴².

Для Германии, утверждали журналисты газеты, договор с СССР одновременно был актом отчаяния, и способом «устрашения противников и внесение замешательства» в антигерманскую коалицию. В последующих публикациях указывалось, публицисты газеты всегда «считали наивностью» военные переговоры Франции и Англии с Советским Союзом, на помощь которого Польша «никогда не рассчитывала»⁴³.

В польской прессе также публиковались сообщения о негативной реакции граждан СССР на заключение пакта. В частности, «Голос 77

народа» уверял, что на советских предприятиях в знак протеста произошли забастовки, которых не было со времен российской революции 1917 г. Комсомольцы и члены партии якобы открыто высказывали свое недовольство и в знак протеста публично сжигали газеты с сообщениями о соглашении между Германией и СССР. Утверждалось, что идею соглашения якобы не поддерживали Климент Ворошилов и Андрей Жданов⁴⁴.

Представляет интерес первая реакция на сообщения из Москвы главного редактора консервативного «Слова» Станислава Мацкевича. В статье под названием «Ван дер Люббе» ведущий публицист этого влиятельного издания утверждал, что пакт о ненападении не вызвал такого удивления в Польше, как во Франции и Великобритании. Публицист был убежден в том, что англо-французские усилия по заключению договора с СССР были изначально обречены на неудачу. По мнению Мацкевича, главная цель советской политики заключалась во «всеобщей европейской войне, в которой они бы не принимали участия»⁴⁵. Причина такой позиции Москвы заключалась в том, что СССР, по мнению Мацкевича, был не в состоянии принимать участие в боевых действиях. Советский транспорт с трудом справляется со своими задачами даже в мирное время, степень моторизации перевозок минимальна, поголовье лошадей в два раза меньше, чем накануне коллективизации, а сельское хозяйство находится в упадке. Журналист уверенно прогнозировал, что мобилизация и военные действия мгновенно обернутся транспортным и продовольственным коллапсом еще более серьезным, чем тот, что стал причиной российской революции 1917 г. Если к этому добавить дезориентацию командного состава РККА из-за «расстрелов генералов целыми табунами»⁴⁶ и общее недовольство властями, то станет понятным, что «Советская Россия по мировым меркам не является ни особенно грозным противником, ни особенно желательным союзником»⁴⁷. Наконец, из-за конфликта с Японией СССР вынужден держать на Дальнем Востоке значительные воинские силы.

Автор статьи, отмечая слабость советских позиций, полагал, что только в Западной Европе питают иллюзии на предмет военной силы СССР, причем приблизительно такие же, какие недавно испытывали в отношении Чехословакии. Между тем, утверждал он, на востоке от Германии единственной военной силой «остается только и исключительно Польша»⁴⁸. Возможностей СССР хватает лишь на то, чтобы выиграть в войне против Эстонии и Латвии. Восточный сосед «не способен к длительным усилиям, которых будет требовать мировая война»⁴⁹. СССР не сможет оказать какую-либо существенную помощь Германии. Приобретя «настоящий нейтралитет», Советский Союз «будет ждать, пока поля Европы не превратятся в поля сражений, усыпанные 78

трупами»⁵⁰. В советско-германских отношениях главным двигателем была «трусость» Сталина, который боялся повторить судьбу императора Николая II. Именно поэтому, начиная с Брестского мирного договора 1918 г., советская сторона шла на «уступки и установление контактов» с Германией⁵¹.

Внешняя политика Гитлера привела к тому, что из идеолога крестового похода против коммунизма и создателя Антикоминтерновского пакта, он превратился в угрозу для Западной Европы. Мацкевич уверенно заключил, что в будущей войне Польша окажется в союзе «свободных народов» против «объединенных коричневых и красных тоталитаризмов»⁵². В любом случае редактор журнала призывал не пренебрегать советско-германским пактом, поскольку полагал, что любое соглашение Москвы и Берлина грозит опасностью для Польши. По словам публициста, «формула хорошей конъюнктуры для польской политики» заключается в «антагонизме Берлина и России»⁵³. Он призывал читателей не прятать голову в песок, а готовится к войне «в защиту независимости и чести»⁵⁴.

Один из руководителей PPS Неджялковский на страницах левой «Рабочей газеты» в статье «Москва и Берлин. Первые последствия» пришел к выводу, что пакт, нацеленный против Польши, на самом деле ударил «по голове... японской»⁵⁵. Договор являлся примером крайне неудачной внешней политики, разрушившей все рациональные основания немецкой дипломатии. По мнению идеолога PPS, СССР будет стремиться сыграть «роль “суперарбитра” в ближайшем или отдаленном будущем». Выигрывая время, Москва может сосредоточить усилия на дальневосточном направлении против Японии и будет стремиться «занять выжидательную позицию в случае мирового конфликта»⁵⁶. Эта стратегическая линия советской внешней политики оказывала значительную услугу Германии, что не укрылось от «народных масс Польши и Запада»⁵⁷.

Главный редактор национал-радикального ежедневника «АВС» Ян Королец назвал договор с Германией шагом советской дипломатии на пути к мировой войне, в которой «Советы, по крайней мере, в начале, не принимали бы участия»⁵⁸. Мировая война была необходима Коминтерну и «мировому еврейству» с целью расчищения пути «мировой революции»⁵⁹. Редакция издания не верила в серьезность намерений СССР заключить договор с Великобританией и Францией, который мог бы установить прочную преграду на пути немецкой агрессии. Утверждалось, что договор с СССР должен был подтолкнуть нацистскую Германию к войне против государств Западной Европы. Вместе с тем признавалось, что подписание договора о ненападении между Германией 79

и СССР не означало того, что в отношениях двух стран наступил период широкого сотрудничества.

В заключение отметим, что немецкие претензии к Польше встретили дружный отпор в польской прессе, выступившей в поддержку позиции польской дипломатии. Британские, а впоследствии и французские гарантии от германской агрессии получили самые высокие оценки. В этом властители общественных дум усмотрели запоздавшее признание державного статуса и особого значения Польши в Восточной Европе. В складывающемся англо-французско-польском союзе видели средство предотвращения войны и гарантию Польши от территориальных претензий Германии. Показательно то, что все — от крайне правых представителей ONR до левых лидеров PPS — объединялись в поддержке союза с Францией и Великобританией. В будущем военном конфликте на Польшу открыто примерялась роль, которую в годы Первой мировой войны играла Российская империя как член Антанты. При этом в польской публицистике не скрывали своей радости от того, что, по их мнению, Западная Европа наконец-то обратила свое внимание и надежды на Польшу, а не на Россию. Вместе с тем практически никто из публицистов не задавался вопросом о причинах публичного объявления Великобританией гарантий Польше в одностороннем порядке. Отнюдь неслучайно в нацистской пропаганде впоследствии использовалась тема предательства Польши западными державами, которые вопреки столь распространенным в польском обществе ожиданиям не поспешили на помощь своему союзнику на востоке Европы.

Принципиально важно то, что за неделю до начала Второй мировой войны польское общественное мнение не оценивало советско-германский договор о ненападении в качестве прямой угрозы независимости Польши со стороны СССР. В этой связи нельзя согласиться с выводом авторов коллективной монографии, вышедшей под эгидой Института славяноведения РАН, что якобы польская «печать заговорила о приближавшемся четвертом разделе Польши»⁶⁰. На страницах польской прессы была распространена убежденность в том, что Советский Союз пошел на заключение договора с Германией, чтобы отсрочить свое вступление в войну, выигрывая для себя выгодную позицию в случае военного конфликта. Показательно, что в большинстве случаев никто напрямую не обвинял Советский Союз в том, что соглашение с Германией направлено исключительно на провоцирование войны. В нем видели скорее жесткий прагматичный расчет с целью отведения военной угрозы от своих границ, маневр уклонения от непосредственного участия в европейском военном конфликте и средство для освобождения сил для противостояния Японии на Дальнем Востоке. В целом, если было 80

бы можно абстрагироваться от идеологических рассуждений о польской исторической миссии и якобы советском стремлении к мировой революции, то окажется, что суждения о внешнеполитической линии Москвы накануне войны достаточно рациональны.

На страницах газет фактически одобрялся курс, проводимый в отношении СССР польским руководством. А он отрицал какое-либо тесное сотрудничество в деле международной безопасности. Такое отношение в значительной степени обосновывалось внешнеполитическими амбициями Варшавы, претендовавшей на то место, которое в годы Первой мировой войны занимала Российская империя. Срыв англо-франко-советских переговоров и заключение советско-германского договора о ненападении воспринимались как лишнее свидетельство в пользу востребованности Польши западными державами и полная дискредитация своего главного конкурента в борьбе за место основного партнера Великобритании и Франции на востоке Европы.

Оценивая позицию Германии, публицисты подчеркивали то, что Берлин будет шантажировать государства Западной Европы в надежде на новый Мюнхен. Однако, заключив договор с СССР, нацисты окончательно скомпрометировали идеологические основания своей антикоммунистической политики перед странами-участницами Антикоминтерновского пакта и государствами Центрально-Восточной Европы.

Польские публицисты полагали, что советско-германские соглашения являются внешней демонстрацией, которая может угрожать независимости прибалтийских государств, но не Польше. При этом авторы ведущих газет были убеждены в том, что СССР получил по сравнению с нацистской Германией большой дипломатический выигрыш. Пресса всех оттенков общественно-политической мысли по-прежнему возлагала свои надежды на союз с Великобританией и Францией. В ее глазах советско-германское соглашение окончательно скомпрометировало СССР перед лидерами Западной Европы, подтвердив необходимость их союза с Польшей.

Несмотря на негативный образ СССР в польском общественном мнении немецкая военная угроза воспринималась как многократно более существенная. Например, на страницах консервативного «Слова» и «Голоса народа» Советский Союз трактовался скорее как колосс на глиняных ногах, чем реальная угроза польской независимости. Подписанное в Москве 23 августа 1939 г. соглашение тонуло в многочисленных сообщениях о вооруженных стычках и провокациях на польско-германской границе, публикациях о решительных заявлениях британских и французских высших должностных лиц в знак солидарности с Польшей.⁸¹

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Lutosławski T.* Rewolucja w Anglii // *Gazeta Polska*. 1939. № 102. 14 kwietnia. S. 1.
- 2 *J. K.* Nowy układ // *ABC*. 1939. № 106. 12 kwietnia. S. 1.
- 3 *Chrzęszczewski A.* Aby wzmocnić pokój // *ABC*. 1939. № 16 kwietnia. S. 1.
- 4 *Niedziałkowski M.* // *Robotnik*. 1939. № 105. 15 kwietnia. S. 3.
- 5 *Ibid.*
- 6 *Ibid.*
- 7 *Ibid.*
- 8 Polska leży w środku świata // *Myśl Narodowa*. 1939. № 16. S. 235.
- 9 Głosy // *Myśl Narodowa*. 1939. № 18. S. 267.
- 10 *X.X.* Błędy Francji na Wschodzie Europy // *Myśl Narodowa*. 1939. № 14. S. 209–211.
- 11 *Frycz K. S.* W obliczu wydarzeń // *Myśl Narodowa*. 1939. № 14. S. 217.
- 12 *J. P.* Jak można uratować pokój? // *Głos Narodu*. 1939. № 101. 13 kwietnia. S. 1.
- 13 *J. P.* Europa po ostatnich deklaracjach // *Głos Narodu*. 1939. № 103. 15 kwietnia. S. 1.
- 14 *Ibid.*
- 15 *Ibid.*
- 16 *J. P.* Wielki piątek // *Głos Narodu*. 1939. № 97. 9 kwietnia. S. 1.
- 17 *Kozicki S.* Jasna sytuacja // *Myśl Narodowa*. 1939. № 20 S. 1.
- 18 *Ibid.*
- 19 *Ibid.*
- 20 *Ibid.*
- 21 *Smogorzewski K.* Polska i Niemcy // *Gazeta Polska*. 1939. № 114. 26 kwietnia. S. 1.
- 22 *Ibid.*
- 23 *K. S.* Mowa kanclerza Hitlera w Reichstagu // *Gazeta Polska*. 1939. № 117. 29 kwietnia. S. 1.
- 24 *J. W.* Agresja pośrednia // *ABC*. 1939. № 223. 2 sierpnia. S. 3.
- 25 *Cat.* Po wystąpieniu Laval'a // *Słowo*. 1939. № 181. 4 lipca. S. 1.
- 26 *Lup.* Rokowania anglo-sowieckie // *Słowo*. 1939. № 185. 8 lipca S. 1.
- 27 *J. T.* Zachód — Sowiety — Polska // *Głos Narodu*. 1939. № 191. 13 lipca. S. 1.
- 28 Demonstracja, która nie zaważy na szali // *Gazeta Polska*. 1939. № 233. 23 sierpnia. S. 1
- 29 *Ibid.*
- 30 *Ibid.*
- 31 *Ibid.*
- 32 Pakt bez praktycznego znaczenia // *Polska Zbrojna*. 1939. № 234. 24 sierpnia. S. 2.
- 33 W Japonii oburzenie, we Włoszech i Hiszpanii konsternacja // *Polska Zbrojna*. 1939. № 234. 24 sierpnia. S. 2.
- 34 Sukces na użytek wewnętrzny // *Polska Zbrojna*. 1939. № 234. 24 sierpnia. S. 2.
- 35 *Korab-Kucharski H.* Za sprzecznościami rzeczywistość // *Gazeta Polska*. 1939. № 237. 26 sierpnia. S. 3.

- 36 Ibid.
- 37 *Iphorski-Lenkiewicz W.* Algebra i propaganda // *Gazeta Polska*. 1939. № 238. 27 sierpnia. S. 3.
- 38 *Kozicki S.* Hitler i Sowiety // *Warszawski Dziennik Narodowy*. 1939. № 233. 24 sierpnia. S. 3.
- 39 Ibid.
- 40 Ibid.
- 41 *W. Z. Moskiewska* niespodzianka // *Głos narodu*. 1939. № 232. 23 sierpnia. S. 1.
- 42 Ibid.
- 43 *J. T.* Po podpisaniu paktu // *Głos narodu*. 1939. № 234. 25 sierpnia. S. 1.
- 44 Rozruchy i strajki w Sowietach następstwem paktu // *Głos narodu*. 1939. № 235. 26 sierpnia. S. 3.
- 45 *Cat. Van der Luebbe* // *Słowo*. 1939. № 231. 23 sierpnia. S. 1.
- 46 Ibid.
- 47 Ibid.
- 48 Ibid.
- 49 Ibid.
- 50 Ibid.
- 51 Ibid.
- 52 Ibid.
- 53 Ibid.
- 54 Ibid.
- 55 *Niedzialkowski M.* Moskwa i Berlin. Pierwsze konsekwencje // *Gazeta Robotnicza*. 1939. № 203. 24 sierpnia. S. 3.
- 56 Ibid.
- 57 Ibid.
- 58 *J. K.* Istotny sens paktu // *ABC*. 1939. № 245. 24 sierpnia. S. 3.
- 59 Ibidem.
- 60 Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012. 952 с.